

38



Вера Артюхина

* * *

Я вернулась...
В доме пахнет
новым диваном,
духами «Nina Ricci»,
укропом и мятой,
что сохнут на подоконнике.
Запах итальянского красного,
вирджинского табака
и густой тревоги
доминируют.
Скоро ночь.
Открою окно
в тёмное небо.
Невидимый ветер
обесцветит запахи,
играя шторами,
до утра играя шторами.

ПОЭЗИЯ

**ХВАТИТ, РОДНАЯ,
НА ЗАКАТЕ НЕ СПЯТ**

* * *

Кофе варю на медленном, хотя предпочла б покрепче.
Белочка привередлива, птицей скользит по лесам.
Бог как всегда немилостив, нам как всегда не легче
в студии этой расфраченной среди ожерельных дам.

Да не тряси котомочку – счастье давно потрачено.
Крошку нашла на донышке? Ладно, теперь ты Крез.
Снится почти что вымерший, плотною тьмой охваченный,
Богом вообще оставленный к зиме Кологривский Лес.

Полно; узлы завязывай, боль никому не сказывай;
Словно в судьбе залатанной точек опоры – рать.
Липнет подъезд заразный, мается друг одноразовый.
Это про местожительство – надо его менять.

День

Пугается день весенний,
как голубь, мелькнувший тенью
за тюлем, в чужом окошке
увидевший чучело кошки.
Рыдает в бреду бездельник.
Жизнь му́ку – в муку́, как мельник,
но всё же пробита брешь...
До отдыха – три зарплаты.
А всё же мечты крылаты...
На хлеб положи и съешь!

После вылета боли
как шуганутой моли
из тела, живущего еле,
запах хлеба и ели!..
Заплачешь и скажешь: спасибо,
поскольку ты выжила, либо
погибла, об этом не зная,
на светлом околышке рая,
где всё, как и прежде в жизни
у лишней в своей отчизне.

Сантимент

Потеряла я не брошку.
Белый свет свернул в рогожку
и унёс под мышкой друг.
То-то как темно вокруг!
Но в округе много дела,
У округи нет предела.
А блошиный прыг да скок
Можно видеть в мелкоскоп.
Если хочешь, так гляди.
Я гляжу, что впереди:
Впереди стоит без крова
Кологривский лес суровый,
И ничё, – живёт народ.
А болячка заживёт.

Отпуск

Никуда не поеду, останусь в трясине уюта
посредине холста на гнездящемся в ветках дому,
в чашке время моё серебрится снежинкой-минутой,
а в окошко я вижу Казань, Кологрив, Кострому...

В этом небе, как в поле – увижу ту сторону Света,
и дорогу, которая, как и всегда, далека,
и течёт она в Лету, быть может, сквозь тёплое лето,
и, конечно, пылится, и светится даже – слегка...

И, конечно, зовёт. Ведь дорога не звать не умеет.
В чашке время кончается. Значит, пора, брат, пора.
Значит, надо собраться душой, чтоб казалась смелее.
А пока просто выжить, как бог даст, – хотя б до утра.

* * *

Прошла Вальпургиева ночь,
я небо тайно наблюдала,
и как тайком вернулась дочь,
скользнув с метлы под одеяло...

Постой, какая ещё дочь?
я ж только сыновей рожала!..
Но оба выросли – и прочь...
...поправлю дочке одеяло.



Эротическое

Ещё не утро и почти темно.
Прохлада августа в открытое окно
лёт гибкое и ледяное тело,
под одеяло – языки и лапы,
скользнула по лицу и меж грудей,
как это часто
и среди людей...
и спящая во сне – помолодела.

* * *

Что с того, что ты ходишь от стены к стене,
глушишь джин и не пишешь своей родне –
свет и воля дежурят в твоём окне!
Как подлодка, лежишь на песчаном дне.
Но когда ты справишься, скажешь: да,
поплывёт вода, загудят поезда,
и тебе уж точно – вернуться туда,
и к чему эти муки, к чему тогда?..
Больше нет опоры, но сдохла цепь,
и остался только тот труд и цель,
для которых, ты, может, и рождена,
а иначе – зачем караул у окна?..
А иначе зачем снова рухнула жизнь,
и зачем этой ночью звёзды сошлись,
зашивая прореху вырванных лет?
Увезут, если даже не купишь билет...
Истончаются запахи сытых крыс,
ты щелкунчик-гость, а теперь – держись,
а теперь держи – вот твоя звезда.
Неуспавшая. Верная. Навсегда.
Не нашли других – это твой лишь крест.
Не реви. Не пей. Небеса – окрест!
И в небесном зале, смотри, – аншлаг.
Что не так с тобою на сцене? Ну что не так?

Прощание с Казанью

Крики чаек в гуще города,
смелый луч с утра в окне
зажигает в тюле сполохи,
простыней пронзает ворохи.
Хорошо живётся мне!

Если утро, значит – раннее,
начинает день сурка.
Значит, снова буду ранена
острым счастьем у виска.

Розы в вазах со старанием
гибко льют свою красу;
срезанная жизнь – прощание,
никакого обещания,
что такое я снесу!

* * *

...В ходе долгого перевоза
между Нижним и Кстово
стало совсем хреново...
Увядала казанская роза.
И я стала её жаждой,
в лепестке и листке каждом,
и я стала темнотой ночи...
Но дорога – жизни короче.
Сиротство.
Мой путь пролегает на север.
У долгой разлуки с отцом
меняется статус: *forever*.
Теперь я прощусь с мертвецом.
На ветке железной дороги,
единственный раз за весь год
навстречу – красивый и строгий –
он с чёрной балеткой идёт.
Немыслимо наше касанье,
но душ ощутимая связь...
Отец остаётся в Казани,
где жизнь его оборвалась.
Мой путь пролегает на север,
под тусклыми иглами звёзд.
Небесный не справится сервер,
исчезнет покинутый мост.
Никто ничего не заметит,
невидим ни холмик, ни крест,
но нам, не смирившимся детям,
так трудно прожить без чудес.

* * *

Осень, здравствуй, мы с тобой подруги.
Мы вернулись снова в Кострому.
За какие дивные заслуги
эта ссылка сердцу и уму?
Что от нас Господь сегодня хочет,
что ещё придумал под конец?
Дело к ночи, это ясно, Отче.
Вышиваю – крестиком! – чепец.
А мои дорожные ботинки,
чувств моих и мыслей кипят
ты в такие превратишь картинки –
мною, отбывающей твой срок.
Яблоко должно быть крутобоким.
Женщина должна быть молодой.
А поэт быть должен одиноким.
Ну, Господь, совсем. Как мы с тобой.

Прятки

Я так давно живу на свете,
что мне знакомы все и всё.
С любим живущим на планете
разговорюсь: то, сё, Басё...

Любому ангелу поверю,
как собственной своей родне.
Любого чёрта к полумере
склоню, а надо это мне?

Остались в мире три загадки.
Тебе, коль ты, приятель, жив.
Как мы играли в детстве в прятки,
другие игры отложив!

Вот мы и спрятались навечно –
и не узнать, пусть рядом мы.
А в небесах сияет Млечный –
Но он не отменяет тьмы.
Элегическое
Под луною, под огромною,
проплывают корабли.
Буду тихо жить и скромно
на окраине земли.

На моём крылечке весело,
как рассказывать возьмусь...
Жизни крошево и месиво
в бонбоньерке из-под бус.

И девчонка безоглядная
прибежит сюда босой,
на ступеньке сядем рядом,
а зовут её – Ассоль.

Море сонное качается,
чай вскипит, устав от чувств,
и того, что жизнь кончается,
я нисколько не боюсь.

Восемь лет была бездомною,
ничего меня не злит.
Под луною, под огромною
проплывают корабли.

* * *

Жизнь уснёт, мы уйдём, не оставив игрушки –
из песочницы мамы учили нас их забирать...
Светлячков торжество, их живая несметная рать
будет тихо сиять, для кого? Ведь ушедшим не нужно...

Так о чём этот текст? Не ловите, я тоже не знаю.
Он как свет возникает в темнотах уставшей души.
Может быть, это лучик небесного горного рая.
Есть он, нет?.. А не думай про это, но просто пиши
посреди пустоты, немоты и людского раздрая.
Потому что поэт ты. Поэт ты. Поэт – это ты.
Пусть на свете тебя заглушают монеты и пушки,
пусть никто не разделит твой царственно-нищий чертог,
но легко и охотно сюда бы заглядывал Пушкин,
если б только он мог, но не может, поскольку он Бог,
а при жизни легко его стёр бессловесный курок.

И зачем мы, поэты? Зачем светлячки или травы?
если каждый ботинок иль лапоть, никчёмный сапог
вдруг наступит, сомнёт, и лишимся бессмертья и славы,
только лишь потому, что он «выдумать лучше не мог».
Светлячки слабосильны, а травы – они для приправы.

Но, вообще, это, знаешь ли, не эпилог.

* * *

Мне о свободе быть собой
расскажет северное море,
где ветер серо-голубой
свободен, как на воле воры.

И где зелёная волна
неотличима от гранита:
прикосновения она
не помнит, да и не хранит их.

Танцуй, дыши и ничего
не помни, солнечное лето:
души работы ломовой
под лёгких облаков балеты...

Сад

1

В глухом саду – листвы и боли трепет,
и язычки прохлады и жары,
и жизнь тебя как изваянье лепит,
но ты не знаешь правила игры;
когда она придёт – пора крещенья
когда нырнёшь туда, где глубь да глубь,
лишь одного – прощенья, о, прощенья
попробуй выдохнуть иль (всё равно) – вдохнуть.

2

Вишней пахнет жаркий мой костёр,
сладкой вишней.
Сколько лет прошло с тех давних пор,
как родился дивный разговор,
но неслышный...
Старой вишни ветви я пилю, –
надо вишне.
Этот сад я больше, чем люблю, –
знаю, слышу.
Он десяток лет жил без меня,
без труда, заботы, без огня...
...Это он меня к себе вернул,
он в судьбу мою легко нырнул,
вытащил – как рыбицу на берег,
помнил он, нуждался, ждал и верил,
что прервётся полоса лихая...
И теперь я с ним. Я задыхаюсь.
Но я здесь – и саду хорошо.
Он меня опять (поймал) нашёл...
И, конечно, снова саду цвествь.
И горит любовь его, как месть,
шибко разгораясь на ветру.
Не уйду, не скроюсь. Не умру.

3

Есть райская прелесть в этом аду,
таких светотеней нигде не встречала.
Блестящие листья на золоте с алым,
лучи предзаката в вишнёвом саду.
А правильно: в вишневом...
Правильно мне – покинуть костёр,
и не помнить ни разу.
О, вышли мне, вышли мне маленький разум,
билет в тот простор,
что не радует глаза,
как кадр нецветного немого кино,
где дышишь иль нет – всё равно, всё равно...

4

Редееет старый сад;
меня он старше вдвое.
А как сиял десяток лет назад...
Он падал – и не раз, как древле пала Троя,
я поднимала – столько раз подряд!
Но покосился дом, но усомнился подвиг,
моих скитаний, знать, не перенёс...
И рядом кот больной, он словно пёс
бездомный – лишь смутно времена иные помнит...

На пару с ним (читай: глухой с почти безруким),
палим костры несбывшихся надежд.
Мы пережили всё, мы в дом войдём без стука,
там снимки на стене не поднимают вежд...
Там лишь один ЛЕЖИТ, он смерть свою лелеет,
иные далеко, иных – в помине нет...
Не будем унывать. Смелее, кот, смелее,
сквозь запустенья чад на лёгкий счастья след.
Тот след в любом углу, но перебита хорда
у времени в часах, и нас почти что нет,
а мука и тоска глядят с кошачьей морды –
кому-то, но не нам, в нарядный рай билет...

5

Ложись на траву и смотри – в поднебесье парят
счастливые птицы, владелицы крыльев и пенья.
Гнездовья покинув, имеют о нём сожаленье?
Наверное, да, но едва ли терзают сомненья
пернатых, ещё не побитых строфой января.

Жестокая жизнь, – этак люди порой говорят,
хоть жемчуг не мелок, а беды всегда рукотворны.
С конца, с середины иль снова сначала, повторно –
причин для страдания тьма, и они непритворны;
а всё пережив, – подивись простоте букваря.

* * *

Я живу у океана,
он из листьев и зелёный.
Белый ветер неустанно
словно волны, катит кроны...
Волны бьются об окошки,
сквозь стекло влетают брызги,
поживём ещё немножко –
и метели станут с визгом
колотить о подоконник,
снегом застилать округу...
Где мой океан зелёный?
Буду ждать его, как друга.

* * *

Дело делает не тело,
дело делает душа.
Подобрела, посветлела,
но... ещё нехороша.
Тело в зеркало глядится,
усыхая, как шагреня,
что ему душа-светлица?
Пёрышки да небылицы,
песенки да теребицы,
золотая дребедень...
Ни на пальчик не наденешь,
ни в ломбард не отнесёшь,
телу надо много денег,
тело стоит медный грош.
Под конец одни болезни.
У души цветные сны,
если сбудется – то песней
на помин своей страны.
И пойдёт по миру сказкой,
не растает в небесах...
Неизбежная развязка
каждого на свет и прах.
Меньше света – больше праха,
больше света – меньше страха.

* * *

День за окнами холодный и неяркий.
Но не гаснет жизни новизна.
Каждый божий – дитятке подарком
нераскрытым, любопытно-жарким –
в руки, не остывшие от сна!

Дитятке – уже седьмой десяток.
Жизнь не устаёт её дивить.
Словно первый раз ступила на пол,
а деревьев солнечные лапы
так разумны – просто нечем крыть!

Ехала, теряла, получала,
чтоб остановиться, наконец.
Оказалось, – начинай сначала!
Оказалось – снова у причала,
путь – ВСЯ жизнь, так захотел Отец.

И нельзя в пути остановиться,
даже если ляжешь и замрешь.
И осенних листиков корытца,
и звезда, и дом, любимых лица
и потерь невозвратимый грош –
всё плывёт с тобой, и ты плывёшь.

* * *

Проспекты и дворы, кафе и подворотни,
каналы и мосты, Фонтанка и Нева...
Я этих дней не знала беззаботней,
всё было, как в кино, всё было трын-трава.

Не гасни же во сне, о, питерское солнце,
не меркни, не усни, живи в моей груди,
златую нить не рви весёлым веретёнцем!
Так пусто позади... так много впереди...

И не было беды, разрухи и разлуки,
уже не просят жертв, уже не нужно слов...
А шарик голубой вернулся прямо в руки,
и никаких преград, и никаких оков...

* * *

Хватит, родная, на закате не спят.
Полно растрачивать день на пустые виденья.
В двери звонят. Никого? А открутим назад
пару минут?.. Разлюбила, видать, приключенья.
Ветер да листья, да грозы, да дождь за окном.
Лето кончается; что ты лежишь, не одета?
Ветер
не Вертер,
да листья –
дались тебе листья, –
потом
будешь лежать, когда кончится жизнь или лето...
Ну а сейчас тебя ждут – доставай чемодан,
шляпку, мадам, не забудь и не медли нисколько.
Поромантичней закутай недевический стан,
и не гляди в зеркала на дорогу, тем паче – в осколки.
Им, приключеньям, неважно, какая пора,
им без разбору – зима на дворе или лето,
если не счастлива – будешь хотя бы согрета,
там, где за тучей, конечно, белеет гора...